

ИСТОРИИ НАЧАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Л. М. Брамсона.

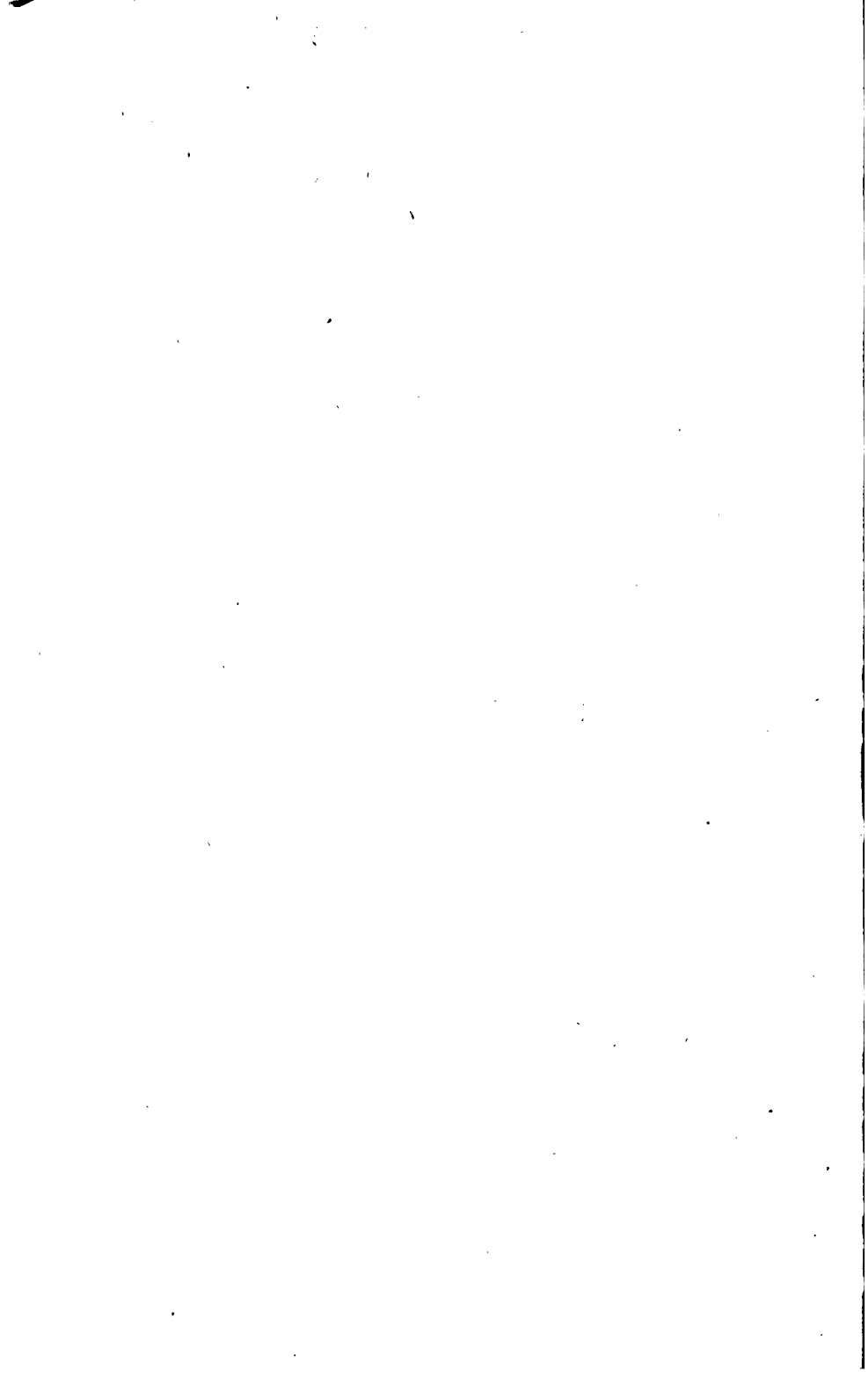
Завѣдывающаго С.-Петербургскими училищами Общества Распростра-
ненія Просвѣщенія между евреями въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Лавдау. Площ. Больш. Театра, 2.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16-го Апрѣля 1896 г.

КЪ ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ.

Къ исторіи начального образованія евреевъ въ Россіи.

Воздѣйствіе государства на воспитаніе евреевъ, въ видѣ попеченія объ открытіи имъ доступа въ общія учебныя заведенія, устройства для нихъ специальныхъ училищъ и урегулированія ихъ домашняго обученія, стало проявляться въ Европѣ только со середины прошлаго столѣтія. До того времени евреи въ отношеніи воспитанія и обученія юношества были предоставлены сами себѣ; европейскія правительства, европейскіе ученые и педагоги совершенно игнорировали эту сторону еврейской жизни.

Такое положеніе вещей и привело къ тому, что *примитивныя формы обученія*, которыя у другихъ народовъ, благодаря активной роли государства въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія, давно сошли со сцены, у евреевъ сохранились гораздо дольше, чѣмъ того могли требовать культурные интересы народа. Нисколько не видоизмѣняясь съ теченіемъ времени, не совершенствуясь, эти формы обученія выродились въ нѣчто крайне несообразное, накладывали особую печать на весь ходъ умственнаго развитія подрастающихъ поколѣній, создали классъ учителей-рутинеровъ и—что было всего печальнѣе—получили въ глазахъ массы санкцію традиціоннаго, освященнаго временемъ института. Система эта была господствующей у евреевъ всѣхъ странъ до конца прошлаго столѣтія.

Но время дѣлаетъ свое. Настала эпоха эмансипаціи. Въ Западной Европѣ евреи,—отчасти по инициативѣ государства, отчасти по собственному побужденію,—начинаютъ отказываться отъ старинной системы воспитанія и обращаются къ культурнымъ приемамъ Запада. Въ Россіи текущее столѣтіе началось для

евреевъ законодательнымъ актомъ, въ которомъ просвѣщеніе и привлеченіе въ школы выдвигается какъ одна изъ первыхъ задачъ по измѣненію ихъ быта (Положеніе 1804 года ¹⁾). Правительство, какъ извѣстно, издало цѣлый рядъ узаконеній, посвященныхъ образованію евреевъ, и учредило для нихъ сѣть школъ. За этой *второю* стадіею скоро послѣдовала *третья*, такъ какъ наряду съ творцами Положенія 1804 года и представителями учебнаго вѣдомства, о правильной постановкѣ начальнаго образованія стали въ болѣе значительной степени заботиться и сами евреи.

Соотвѣтственно со сказаннымъ, исторію постепеннаго развитія начальнаго образованія у русскихъ евреевъ можно раздѣлить на три періода: 1) до начала царствованія Александра I, когда еще ни о какомъ организованномъ воздѣйствіи на народную школу—за исключеніемъ немногихъ попытокъ—не было рѣчи; 2) эпоха царствованія Александра I и Николая I (1801—1855), когда исторія образованія евреевъ—есть преимущественно исторія правительственныхъ мѣропріятій и только въ незначительной мѣрѣ исторія общественной самодѣятельности; наконецъ, 3) царствованіе Александра II и Александра III (1855—1893), когда сочувствіе къ образованію проникаетъ въ болѣе широкіе круги еврейскаго населенія, когда къ начальному обученію и воспитанію начинаютъ предъявляться сознательныя требованія и общество принимаетъ значительное активное участіе въ организаціи школъ и обнаруживаетъ серьезный интересъ къ нимъ. Послѣдующее изложеніе подтвердитъ правильность указаннаго сейчасъ дѣленія.

I.

Обратимся къ обозрѣнію перваго изъ намѣченныхъ нами періодовъ. Начало его слѣдуетъ считать, очевидно, съ того времени, когда евреи впервые появились на территоріи современной Россіи. Наиболѣе достовѣрными свидѣтельствами о моментѣ этого появленія признаются, какъ извѣстно, найденныя на южномъ берегу Крыма у древней Пантикапеи, въ

¹⁾ В. П. С. З., т. XXVIII, № 1457.

Анапѣ и другихъ мѣстахъ греческія надписи, говорящія о пребываніи евреевъ въ I—II в. по Р. Х. ¹⁾. Правда, эти надписи не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о начальномъ образованіи евреевъ того времени, но косвеннымъ образомъ онѣ даютъ любопытное въ историко-культурномъ отношеніи указаніе, что уже въ то отдаленное время палестинскіе выходцы, еще сравнительно недавно покинувшіе старую родину, усвоили не только языкъ ²⁾ окружающаго населенія новой страны, но заимствовали даже у нихъ обычаи (освобожденіе невольниковъ и посвященіе ихъ храму). Фактъ довольно знаменательный на зарѣ исторіи евреевъ въ Россіи. Можно, стало быть, съ нѣкоторою вѣроятностью допустить, что и разговорнымъ языкомъ, на которомъ эти первые еврейскіе поселенцы учили своихъ дѣтей произносить первые звуки, былъ языкъ окружающаго населенія—языкъ греческій; что молодежь, подобно взрослымъ, не стояла вдали отъ культуры греческихъ колонистовъ ³⁾, а воспитывалась подъ непосредственнымъ воздействием этой культуры. Другія историческія данныя перваго тысячелѣтія пребыванія евреевъ въ Россіи,—какъ-то свидѣтельства армянскихъ, грузинскихъ и арабскихъ историковъ, вскользь брошенныя замѣчанія греческихъ писателей, отдѣльныя мѣста древней русской лѣтописи и упоминанія о русскихъ евреяхъ въ средневѣковыхъ путешествіяхъ,—все это также не даетъ фактовъ, прямо относящихся къ исторіи начального воспитанія. Но значеніе этихъ историческихъ данныхъ для интересующаго насъ вопроса заключается въ томъ, что они содержатъ нѣкоторый, правда, скудный и отрывочный матеріалъ по вопросу о языкѣ ⁴⁾ евреевъ, жившихъ въ то время въ Кіевѣ и Крыму, въ древней Хазаріи, на Кавказѣ о культурномъ взаимодействіи

¹⁾ М. А. Levy, Epigraphische Beiträge zur Geschichte der Juden, Jahrbuch f. Geschichte der Juden u. des Judenthums 1861, стр. 273—274, 298—302; Ашикъ, Воспорское царство, ч. I, стр. 80, 92—94; А. Гаркави, Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Русѣ. Спб. 1865, стр. 43 и слѣд.

²⁾ Гаркави, Объ языкѣ евреевъ стр. 3—5.

³⁾ Ср. Гаркави, стр. 49.

⁴⁾ Гаркави, стр. 5; „Риж. В.“ 1873, 156 (ст. А. Пумпянскаго).

между евреями и окружающими народностями ¹⁾; о примѣрахъ *устойчивости евреевъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ* ²⁾, которые они давали своимъ дѣтямъ,—т. е. о фактахъ небезынтересныхъ для вопроса о воспитаніи, однако не дающихъ еще представленія о томъ, какъ оно было поставлено. Отчасти намъ могутъ помочь въ этомъ отношеніи изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ (Гидемана, Греца, Иоста, Шейнгауза, Страсбургера и др.) по тому же вопросу въ другихъ странахъ. Изслѣдованія эти говорятъ о томъ, что въ мѣстахъ своего новаго поселенія евреи усердно продолжали дѣло обученія въ томъ видѣ, какъ оно въ послѣднее время установилось въ Палестинѣ; обученіе дѣтей, согласно воззрѣніямъ талмудистовъ, особенно амореевъ, считалось завѣтнымъ священнымъ долгомъ, предметомъ не только личныхъ, но и общественныхъ заботъ. Обучали преимущественно Пятикнижію и Мишнѣ, нерѣдко сами родители дѣтей; тогдашніе учителя были еще далеки отъ рутины, это были преподаватели по призванію, передававшіе знаніе въ болѣе живыхъ, не застывшихъ формахъ,—и что въ особенности интересно,—изъясняшіеся со своими учениками на мѣстномъ языкѣ, въ Египтѣ и Греціи—по гречески, среди мавровъ—по арабски и т. д. Такъ говорятъ—повторяемъ—иностранные изслѣдователи, при томъ о евреяхъ другихъ земель. Въ нашихъ источникахъ нѣкоторыми косвенными указаніями на то, что напр. въ XI—XII в. существовали на Руси свѣдущіе въ библейской и раввинской письменности евреи и хорошіе начетчики, могутъ отчасти служить такіа свѣдѣнія, какъ рассказы о сношеніяхъ хозарскихъ евреевъ съ славянскими первоучителями; напр. о Кириллѣ рассказывается, что, проѣзжая чрезъ Корсунь, онъ много бесѣдовалъ съ мѣстными еврейскими учителями ³⁾; далѣе, сообщенія памятниковъ древнерусской письменности о богословскихъ спорахъ Ѳеодосія Печерскаго съ кievскими евреями (см. «Житія

¹⁾ Труды Моск. Археол. Общ. 1880, прил. стр. 100; Разсвѣтъ 1880, № 9—12; 1881, 1—3, (ст. А. Я. Гаркави); Садагеловъ, Іудеи въ Иверіи,—Пастырѣ древней 1888, 1 и 2.

²⁾ Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, въ перев. И. О. Эмина, М, 1893, стр. 36—37, 67—83; Лѣтопись по Ипатьевскому списку. Спб. 1871, стр. 57.

³⁾ Житіе Константина Философова, изд. О. Бодянскимъ въ Чт. общества ист. и древностей рос., 1863, кн. II, стр. 11.

Святыхъ»), о полемикѣ съ ними же митрополита Иллариона ¹⁾), и др.

Съ XI—XII вѣка открывается новая полоса въ исторіи русскихъ евреевъ—исторія евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, болѣе богатая источниками, чѣмъ только что прошедшій предъ нами древній періодъ исторіи евреевъ въ Россіи. Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій проф. Бершадскаго, Нусбаума и отчасти въ свое время—д-ра Гаркави, едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно того, что значительная часть жившихъ здѣсь евреевъ была происхожденія не западнаго, т. е. явилась не изъ Германіи, Голландіи и другихъ европейскихъ странъ, а съ юга Россіи, съ того юга, гдѣ осѣдлость ихъ датируетъ еще—какъ мы видѣли—съ начала христіанской эры, гдѣ они были такими же автохтонами, какъ переселившійся сюда впослѣдствіи народы славянскаго и тюркскаго происхожденія. Обстоятельство это важно для насъ въ томъ отношеніи, что нѣсколько освѣщаетъ вопросъ о *языкѣ*, на которомъ происходило обученіе. Интересно, что когда южно-русскіе евреи очутились подъ польскимъ владычествомъ и столкнулись со своими собратьями изъ Германіи и другихъ странъ, они уже—какъ полагаетъ, напр. д-ръ А. Я. Гаркави въ своемъ специальномъ изслѣдованіи по этому предмету,—говорили *по-русски* ²⁾) и вводили даже славянскія слова въ свою письменность. Правда, нѣтъ данныхъ для утвержденія, что и начальное обученіе происходило по-русски или по-польски, но существуютъ извѣстія, окончательно, впрочемъ, еще не подтвержденные, что даже богослуженіе у польскихъ евреевъ совершалось въ прежнее время на польскомъ языкѣ ³⁾). Еслибъ фактъ этотъ былъ вполне установленъ (къ сожалѣнію, всѣ попытки, сдѣланныя нами для выясненія этого любопытнаго вопроса, были безуспѣшны), то не подлежало бы

¹⁾ Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 г.: „Слово о законѣ, Моисеемъ данномъ“.

²⁾ Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, Спб. 1865, стр. 19; ср. также Примѣчанія М. Страшуна къ книгѣ С. Финна: *пѣснь пѣръ*, Вильна 1860, стр. 299 и слѣд.

³⁾ И. В. Левинзонъ, *Умѣтъ и право*, изд. Б. Натансона; замѣчанія по этому поводу у Гаркави, стр. 10—11.

никакому сомнѣнію, что и обученіе молитвамъ, объясненіе Библии происходило на славянскомъ нарѣчіи. Какъ бы то ни было, нужно думать, вмѣстѣ съ изслѣдователемъ этого вопроса, И. Б. Левинзономъ, что говорившіе на славянскомъ нарѣчіи евреи стояли на очень низкой степени духовнаго развитія, и ни языкъ ихъ, ни весь обиходъ домашней жизни не устоялъ предъ германскимъ вліяніемъ, когда наплывъ евреевъ Голландіи, Франціи, Испаніи и особенно Германіи сталъ болѣе усиливаться. Фактъ тотъ, что языкъ германскихъ евреевъ дѣлался все болѣе и болѣе господствующимъ, — сначала еще въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, лишь съ нѣкоторою примѣсью испанскихъ, итальянскихъ и голландскихъ словъ въ послѣдствіи когда онъ принялъ въ себя массу славянскихъ словъ и выродился въ тотъ знакомый нашему уху діалектъ, который именуется «жаргономъ». Такимъ образомъ, тѣ самые германскіе евреи, которые въ позднѣйшее время явятся просвѣтителями своихъ русскихъ собратьевъ, образцомъ для подражанія, на исходѣ среднихъ вѣковъ несомнѣнно оказали на ходъ просвѣщенія этихъ собратьевъ отрицательное вліяніе: имъ русскіе евреи обязаны тѣмъ жалкимъ суррогатомъ языка, который — какъ показали послѣдующіе вѣка — наложилъ такую своеобразную печать на складъ рѣчи уроженца западныхъ губерній, на всю его манеру разсуждать и мыслить. Жаргонъ, болѣе чѣмъ что-либо другое, способствовалъ изолированію еврейской массы отъ остальнаго населенія. Жаргонъ чрезвычайно затормозилъ развитіе начальнаго образованія среди русскихъ евреевъ, сдѣлавъ этотъ языкъ необходимою принадлежностью религіознаго обученія, такъ какъ на жаргонѣ уже съ XVI вѣка, несомнѣнно, шло преподаваніе въ хедерѣ, незаслуженно освятившее этотъ діалектъ въ глазахъ массы... Въ этомъ отношеніи исторія евреевъ въ Польшѣ и исторія ихъ разговорнаго языка нѣкоторымъ образомъ предопредѣлили судьбу хедера, тѣсно связавъ вопросъ о жаргонѣ съ вопросомъ о меламахъ и хедерахъ ¹⁾).

¹⁾ Въ настоящее время, какъ извѣстно, хедерное обученіе — это главнымъ образомъ обученіе съ переводомъ священныхъ книгъ на жаргонъ; хедеръ, гдѣ Библия переводится на русскій языкъ (число такихъ хедеровъ теперь крайне незначительно), уже переходная ступень къ правильно организованной школѣ.

Отъ вопроса о *языкѣ* преподаванія перейдемъ къ тому, какъ происходило школьное обученіе этого періода,¹ и въ чемъ оно заключалось? Главнымъ матеріаломъ для воспроизведенія картины обученія, кромѣ отрывочныхъ указаній въ различныхъ богословскихъ трактатахъ и респонсахъ, могутъ служить, съ одной стороны, сохранившіеся въ «пинкусахъ» польско-еврейскихъ общинъ записи о порядкѣ обученія; съ другой—дошедшія до насъ воспоминанія современниковъ объ этихъ хедерахъ—какъ изъ среды уроженцевъ края, которые личнымъ опытомъ ознакомились и съ тогдашнимъ хедеромъ и со свойственною послѣднему учебною обстановкою, такъ и пріѣзжихъ путешественниковъ, посѣтившихъ край въ XVII и XVIII в.

Богословскіе трактаты XVI и XVII вѣка рѣдко затрогивали вопросъ объ элементарномъ обученіи: повидимому, самая практика обученія въ хедерахъ на столько установилась—вѣрнѣе сказать, до такой степени застыла въ своихъ первоначальныхъ формахъ,—что не подавала повода къ какимъ-либо спорамъ или недоумѣніямъ, которыя могли бы восходить на усмотрѣніе выдающихся раввиновъ. Общіе теоретическіе вопросы воспитанія и обученія также не пользовались особымъ вниманіемъ раввиновъ. Сравнительно чаще они останавливаются на методахъ изученія Талмуда¹). Любопытно, что многіе выдающіеся корнеи Талмуда, въ томъ числѣ и пользовавшіеся такимъ громаднымъ вліяніемъ среди польскихъ евреевъ р. Соломонъ Лурія, р. Іегуда Лева б. Бецалель изъ Праги, повдѣе Соломонъ б. Эфраимъ Лифшицъ, Іаиръ-Хаимъ-Бахарахъ и др. выступили рѣшительными противниками такъ наз. «пилпуля». Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ былъ особый методъ изслѣдованія талмудическихъ и библейскихъ текстовъ, при которомъ юноши съ дѣтства приучались обращать вниманіе не столько на сущность предмета, сколько на форму выраженія, приучались къ игрѣ словами, къ остроумнымъ внѣшнимъ сопоставленіямъ. Слѣдую примѣру своихъ учителей, юные талму-

¹) Ст. А. Іехлинека: *תורת חזקוני* въ сборникѣ: *בכורים*, годъ I (Вѣна 1864) стр. 1—26 и годъ II (1865), стр. 1—19; ср. также Nussbaum, *Historia Żydów*, Warsz. 1890, стр. 105—107.

дисты старались перещеголять другъ друга въ этихъ безконечныхъ казуистическихъ упражненіяхъ, въ постоянномъ стремленіи создавать кажущіяся противорѣчія, побѣдоносно ихъ разрѣшать и приходить путемъ парадоксовъ къ совершенно неожиданнымъ выводамъ (Chidduschim). Особенно суровому осужденію этотъ методъ, имѣвшій много общаго съ діалектикой средне-вѣковыхъ схоластиковъ, подвергся со стороны названнаго выше пражскаго раввина р. Лева бенъ-Бецалеля, который почти въ каждомъ своемъ сочиненіи возвращался къ этой темѣ. Въ общемъ, возраженія, выдвигаемыя имъ противъ пилпуля и его сторонниковъ, могли бы съ одинаковымъ правомъ быть примѣнены и къ существовавшему до пилпулистовъ методу изученія Талмуда, и къ нѣкоторымъ комментаріямъ на послѣдній. Раввины не хотѣли только заходить такъ далеко. Впрочемъ, тотъ же Лева бенъ-Бецалель, жалуясь въ одномъ мѣстѣ своего известнаго сочиненія «Nethiboth Olam»¹⁾ на тотъ фактъ, что, благодаря излишнимъ утонченнымъ словопреніямъ, отъ юношей остается сокрытымъ внутреннее содержаніе изучаемыхъ книгъ, прибавляетъ, что въ этомъ отношеніи и изученіе Тосфатъ едва ли представляется желательнымъ. Признаніе довольно характерное для благочестиваго польскаго раввина XVII столѣтія.

Пинкусы XVII и XVIII столѣтій знакомятъ насъ съ тѣми попытками внѣшней регламентаціи, о которыхъ намъ пришлось упоминать выше. За регламентаціей этой едва ли можно признавать серьезное значеніе, особенно въ отношеніи наиболѣе интересующихъ насъ литовскихъ и западнорусскихъ общинъ²⁾. Въ печать проникли, напр., относящіеся къ хедерному обученію правила, занесенныя подъ 1741 годомъ на страницы пинкуса Могилева-на-Днѣстрѣ³⁾ и около того же времени въ пинкусѣ г. Дубно⁴⁾. Все, къ чему сводятся указанные правила, это—опредѣленіе, что у элементарнаго учителя

¹⁾ У насъ подъ руками было старинное изданіе этого трактата, напечатанное въ Юзефовѣ (1737 гл. V).

²⁾ Многія извлеченія изъ пинкусовъ собраны въ вышедшей недавно книгѣ Л. Шейнгауза *לבוש וליבוש* Краковъ 1895, стр. 82—88. 1895 № 15—16.

³⁾ *פנקס* 1894 № 254. Сообщ. Менахимъ Литинскій.

⁴⁾ *תמ קרנ*, годъ I, стр. 315.

(Dardeke Melamed) число учениковъ не должно превышать 25, а вознагражденіе его 150 злотыхъ, (у учителя же гемары—15 мальч. и 200 злотыхъ); что меламады, подѣ страхомъ взысканія, должны періодически доставлять очередному старостѣ списки учащихся; наконецъ, что родители обязаны аккуратно уплачивать вознагражденіе меламамъ. Но и эти постановленія, представляющія самое обученіе полному произволу мелама и собственно только направленные противъ чрезмѣрной конкуренціи меламадовъ, какъ видно изъ попадающихся въ пинкусахъ указаній, довольно часто нарушались. Только въ болѣе развитыхъ общинахъ западной Польши регламентація шла дальше, затрогивая и учебную сторону; въ записи краковскаго пинкуса подѣ 1638 годомъ находимъ дѣйствительно рядъ болѣе существенныхъ правилъ: объ обязательности употребленія двухъ комментаріевъ—Раши и Беэръ Моше (השר"מ) ¹⁾, о преподаваніи основъ грамматики и правилъ благонравія (דרכי משה); о томъ, чтобы къ изученію Гемары съ комментаріемъ Раши и Тосфотъ приступали только мальчики, проявившіе особыя способности къ продолженію занятій, а достигшіе 14 лѣтъ и къ Гемарѣ неспособные были отдаваемы въ ремесло или пристроены къ какому-либо другому занятію. За дѣятельностію меламадовъ наблюдало особое общество «Талмудъ-Тора», члены котораго должны были періодически посѣщать всѣ хедеры, наблюдать какъ за тѣмъ, чтобъ меламады ревностно относились къ дѣлу преподаванія, такъ и за тѣмъ, чтобъ они другъ у друга не переманивали учениковъ, чтобы они обучали своихъ питомцевъ *«общимъ предметамъ»*—чтенію и письму на мѣстномъ языкѣ, а также счисленію: сложенію, вычитанію, умноженію и дѣленію. Боль-

¹⁾ Книга эта, составленная извѣстнымъ въ свое время издателемъ Моисеемъ Шертономъ, представляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Она была, повидимому, въ большомъ ходу среди польскихъ евреевъ; главари краковской общины рекомендуютъ ее преимущественно потому, что комментаріи изложены въ ней на разговорно-еврейскомъ языкѣ и можно быть увѣреннымъ—замѣчаютъ они—что „мальчики поймутъ все въ этихъ комментаріяхъ“. Одно изъ первыхъ изданій книги въ Прагѣ относится къ 1604—1605 г. и экземпляръ его хранится въ библиотекѣ Азіатскаго музея Академіи Наукъ въ СПБ.; къ книгѣ приложено и любопытное собраніе правоученій „Декахъ товъ“, не имѣвшее однако успѣха: по крайней мѣрѣ, въ слѣдующихъ изданіяхъ הל'ק'ת оно уже больше не встрѣчается.

шинство этихъ правилъ таковы, что еще нынѣ, по прошествіи 250 лѣтъ, составляютъ для современнаго хедера *ria desideria*. Какъ далеки были въ большинствѣ случаевъ отъ такого идеала западно-русскіе хедеры, показываетъ описаніе послѣднихъ, принадлежащее перу человека жившаго въ ту же приблизительно эпоху. Мы говоримъ о приложеніи къ извѣстной книгѣ Натана Ганновера ¹⁾. Авторъ отнюдь не критикуетъ этихъ учрежденій; напротивъ, онъ даже не безъ умиленія говоритъ о порядкахъ обученія въ современной ему юго-западной Россіи, но отъ вниманія читателя не можетъ ускользнуть множество темныхъ сторонъ тогдашняго школьнаго дѣла. На производившихся два раза въ недѣлю испытаніяхъ мальчики, имѣвшіе несчастье въ чемъ-либо ошибиться или что-либо не знать, наказывались розгами. Дѣти должны были заниматься безостановочно *по цѣлымъ днямъ*, не смѣли гулять по улицамъ. О преподаваніи грамматики, о предѣльномъ возрастѣ для перехода къ Талмуду, а тѣмъ болѣе объ «общихъ предметахъ» у Ганновера нѣтъ и помину. Очевидно, въ хедерахъ его времени царило одно изученіе Пятикнижія и Талмуда съ безконечными казуистическими толкованіями, и дѣти выходили изъ этихъ школъ безъ знанія языка окружающаго населенія, безъ свѣдѣній объ окружающей природѣ, безъ сознательнаго отношенія къ пройденному въ школѣ и предстоящему въ жизни ²⁾.

¹⁾ Богданъ Хмѣльницкій. Разсказъ еврея современника-очевидца о событіяхъ въ Малороссіи за 1648—1652 годы. Перев. С. Манделькерн, Одесса 1878, стр. 60—62.

²⁾ Нетрудно послѣ этого понять, почему посѣтившему Бѣлоруссію въ 1797 г. Державину пришло на мысль охарактеризовать хедеры польско-русскихъ евреевъ слѣдующимъ образомъ: „Находятся у нихъ училища ихъ вѣры и воспитанія. Тамъ рабыни, наполняясь изступленіемъ древнихъ ихъ талмудовъ или толковниковъ ихъ религіи, преданіевъ, обычаевъ и законовъ, превращаютъ начальныя основанія ихъ чистаго богослуженія и нравственности въ ложныя понятія о справедливости и неправдѣ и вмѣсто общественной, практической добродѣтели поощряютъ простой народъ къ однимъ пустымъ обрядамъ. Дѣтей воспитываютъ съ наивеличайшимъ тщаніемъ относительно только религіи, а *ничему иному не учатъ*... правилъ благонравія не преподають... Доколѣ школы будутъ въ настоящемъ ихъ положеніи, ни малой не предвидится надежды къ перемѣнѣ ихъ нравовъ. (Соч. т. VII, стр. 280—281).

Большинство этих хедеровъ производили удручающее впечатлѣніе, и уже съ половины XVIII вѣка начинаютъ появляться правдивыя описанія хедерной обстановки, — описанія, исходяція отъ лицъ, проводшихъ въ этой обстановкѣ свое дѣтство, но имѣвшихъ въ послѣдствіи возможность ознакомиться съ образовательными учрежденіями въ болѣе культурной средѣ.

Вотъ что пишетъ, напр., о школахъ своего времени извѣстный выходецъ изъ Литвы философъ Соломонъ Маймонъ (1753—1800)¹: «Школа обыкновенно помѣщается въ маленькой дымной избѣ, а дѣти разсѣяны на скамьяхъ и на голомъ полу. Учитель сидитъ на столѣ въ грязной рубахѣ, между ногами держитъ чашу и громадной палкой третъ въ ней табакъ и въ то же время управляетъ дѣтворой. Помощники его упражняются со своими отдѣленіями въ углу и управляютъ своими подчиненными такъ же деспотически, какъ и самъ учитель. Изъ завтраковъ, обѣдовъ и т. д., которые посылались дѣтямъ, этимъ господамъ доставалась большая часть; иногда дѣти бѣдныя даже ничего не получали и должны были молчать, если не хотѣли подвергнуться мести этихъ тирановъ. Въ этихъ-то школахъ дѣти заключены съ утра до вечера и только по пятницамъ и въ первый день каждаго мѣсяца они пополудни освобождаются». Среди меламадовъ попадались люди, совершенно забывавшіе всякое человѣческое достоинство и доходившіе до неистовства. Такъ, братъ Соломона Маймона 12-ти лѣтъ былъ отданъ къ знаменитому учителю р. Йоселю; этотъ меламедъ—пишетъ Маймонъ — «былъ пугаломъ для всѣхъ молодыхъ людей, попасть къ нему было наказаніемъ Божиимъ; онъ обращался со своими подчиненными съ неслыханною жестокостью, сѣкъ розгами до крови за малѣйшій проступокъ, нерѣдко обрывалъ уши, выбивалъ глаза. И когда послѣ этого родители потерпѣвшаго приходили къ нему и требовали объясненій, то онъ, совершенно не обращая вниманія на личность пришедшихъ, бросалъ въ

¹) Изъ автобіографіи Соломона Маймона—„Евр. Библиотека“, т. I; ср. Hilary Nussbaum, Historyja Żydów, Tom V, Żydzi w Polsce, Warszawa 1890, стр. 44—45, 104—107 и др.